

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.11>

Сушков Андрей Валерьевич, Беделёв Александр Эмануилович

"ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО": К ВОПРОСУ О КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ СМОЛЬНОГО В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В статье рассматриваются обвинения, предъявленные основным фигурантам так называемого "ленинградского дела", в расстановке "своих" кадров в партийно-государственной системе власти и нарушении принципов выдвижения кадров по деловым качествам. Как показывают документы, в ходе "дела" бывшие и действовавшие ленинградские руководящие кадры были подвергнуты тщательной проверке. В результате были выявлены многочисленные компрометирующие сведения самого различного характера: ошибки и недостатки в работе, наличие партвызысканий, восхваление "ленинградских вождей", коррупционные действия, пьянство, "морально-бытовое разложение".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/10/11.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 10(96) С. 60-68. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

35. O'Gorman F. The Long Eighteenth Century: British Political and Social History 1688-1832. L.: Bloomsbury Publishing, 1997. 430 p.
36. Saunders R. God and the Great Reform Act: Preaching against Reform, 1831-32 // Journal of British Studies. 2014. Vol. 53. Iss. 2. P. 378-399.
37. Snell K. D. M., Ell P. S. Rival Jerusalem: The Geography of Victorian Religion. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 515 p.
38. Stark R., Finke R. Acts of Faith. Berkeley, CA: University of California Press, 2000. 257 p.
39. Wilson B. Religion in Secular Society: A Sociological Comment. L.: Watts, 1966. XXIV+264 p.

SECULARISATION IN ENGLAND IN THE XVIII-XIX CENTURIES: PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY

Stetskevich Mikhail Stanislavovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Saint Petersburg University
m.steckevich@spbu.ru

The article examines the process of studying secularisation in England in the XVIII-XIX centuries by the modern English historiography. The existing views on the concept of secularisation and the scope of its applicability to the description of the English religious life during this period are analysed. The paper carries out the analysis of the conceptions of such researchers as D. Martin, A. D. Gillbert, H. McLeod, J. Clark, and others. It is concluded that most authors recognize the presence of serious secularisation processes in Victorian England, although they differ in assessing their causes, dynamics and scales.

Key words and phrases: secularisation; historiography; Church of England; dissenters; anticlericalism.

УДК 94(47).084.8

Дата поступления рукописи: 24.08.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.11>

В статье рассматриваются обвинения, предъявленные основным фигурантам так называемого «ленинградского дела», в расстановке «своих» кадров в партийно-государственной системе власти и нарушении принципов выдвижения кадров по деловым качествам. Как показывают документы, в ходе «дела» бывшие и действовавшие ленинградские руководящие кадры были подвергнуты тщательной проверке. В результате были выявлены многочисленные компрометирующие сведения самого различного характера: ошибки и недостатки в работе, наличие партвызваний, восхваление «ленинградских вождей», коррупционные действия, пьянство, «морально-бытовое разложение».

Ключевые слова и фразы: «ленинградское дело»; партийно-государственная система власти; период «позднего сталинизма»; коррупция; управленческие практики.

Сушков Андрей Валерьевич, к.и.н.

Бедель Александр Эмануилович, к.и.н.

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург
suschkow@mail.ru; bedel54@mail.ru

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»: К ВОПРОСУ О КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ СМОЛЬНОГО В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Начиная с конца 1980-х гг. в отечественной исторической науке главенствует точка зрения, что «ленинградское дело» явилось результатом соперничества в высшем руководстве СССР двух групп, а именно Г. М. Маленкова и Л. П. Берии, с одной стороны, и так называемой «ленинградской группы», наибольшим влиянием среди которых обладали А. А. Жданов, Н. А. Вознесенский и А. А. Кузнецов, – с другой. Маленков и Берия, воспользовавшиеся ослаблением «ленинградской группы» после смерти второго секретаря ЦК Жданова под различными надуманными предлогами (высказывания «ленинградцев» о необходимости создания компартии РСФСР; проведение в Ленинграде без санкции высшего руководства оптовой ярмарки всесоюзного масштаба; фальсификация на Ленинградской областной партконференции результатов тайного голосования) добились сначала политического уничтожения своих конкурентов, а затем, после фабрикации уголовного дела по обвинению в измене Родине, – физического. Общее руководство «ленинградским делом» осуществлял Сталин, обеспокоенный самостоятельностью «ленинградцев», стремительным ростом их авторитета и влияния в высшем руководстве и в конечном счете озабоченный укреплением личной власти [1, с. 168-188; 3, с. 122-132; 5; 7; 9, с. 173-189; 12, с. 252-254; 19, с. 384-385].

Следует признать, что в настоящее время отсутствует полноценное научное исследование, в котором бы на основе детального, всестороннего и беспристрастного изучения всего имеющегося в архивных учреждениях комплекса документальных материалов были рассмотрены причины и ход «ленинградского дела». Ввиду того что основные массивы документов по «делу» до сих пор находятся на закрытом хранении в бывших партийных архивах, в архивах госбезопасности и иных ведомственных архивохранилищах и неясно, когда профессиональные историки получат к ним доступ, надеяться на появление в ближайшее время такого исследования

не приходится. Специалистам не доступны ни архивно-следственные, ни партийно-следственные дела, допуск к номенклатурным и персональным делам либо закрыт, либо весьма затруднителен.

Среди обвинений, предъявленных «ленинградцам», фигурировала расстановка «своих» кадров в партийно-государственной системе власти, что кадры подбирались не по деловым качествам, а из числа угодных, лично преданных, «политически сомнительных» и «морально разложившихся» людей. «Кадровая» составляющая «ленинградского дела», кадровая политика Смольного в военные и послевоенные годы не получили должного освещения в исторической литературе в первую очередь по причине недоступности многих архивных документов. Рассмотрение некоторых предъявленных «ленинградцам» обвинений, в т.ч. в нарушении принципов подбора и выдвижения кадров на высшестоящие должности, в заведомо недостоверной оценке их деловых и личных качеств, сокрытии негативных сведений из их биографических данных, на наш взгляд, позволит приблизиться к пониманию причин «ленинградского дела».

В проекте закрытого письма Политбюро ЦК ВКП(б) речь шла о принципах, по которым отбирались кадры, и о конечной цели, которую преследовали «ленинградцы», – намерении таким путем привести А. А. Кузнецова на пост первого секретаря ЦК РКП(б). Со ссылкой на показания Кузнецова, в письме говорилось о том, что еще с 1938 г. он подбирал верных ему людей «из числа подхалимов, лиц политически скомпрометированных и имеющих темное прошлое». «Окружив себя политически сомнительными и морально разложившимися людьми, – говорилось далее, – Кузнецов, Попков, Капустин, Соловьев уже перед войной представляли из себя (так в документе. – А. С., А. Б.) обособившуюся враждебную группу, стремившуюся рассадить угодные им кадры на руководящие посты в Ленинграде. <...> После перехода А. Кузнецова на работу секретаря ЦК ВКП(б)... опираясь на расставленные ими свои кадры, группа Кузнецова вынашивала замыслы овладения руководящими постами в партии и государстве. Во вражеской группе Кузнецова неоднократно обсуждался и подготавливался вопрос о необходимости создания РКП(б) и ЦК РКП(б), о переносе столицы РСФСР из Москвы в Ленинград. <...> В группе было предусмотрено, что в случае осуществления их планов Кузнецов А. должен был занять пост первого секретаря ЦК РКП(б)» [18, с. 56-57].

В этом же письме говорилось об ответственности за кадры умершего к тому времени А. А. Жданова: «Сейчас трудно объяснить, как мог Жданов А. А. не разглядеть вражеского лица Кузнецова, Попкова, Капустина, Соловьева и др., которых он настойчиво выдвигал» [Там же].

В приговоре Военной коллегии Верховного суда СССР указывалось, что А. А. Кузнецов, П. С. Попков, Н. А. Вознесенский, Я. Ф. Капустин, П. Г. Лазутин, М. И. Родионов и другие представляли собой «вражескую группу» и проводили «вредительско-подрывную работу в партии». Эта «работа», в частности, заключалась «в расстановке антипартийных людей в различных пунктах СССР с той целью, чтобы, опираясь на таких антипартийных людей и имея в руках ленинградскую организацию, взорвать партию изнутри и узурпировать партийную власть; в политическом и моральном избиении честных коммунистов в руководящем составе ленинградской организации и смещении их с занимаемых постов, замене их политически разложившимися, антипартийными и антигосударственными людьми с целью навязать ленинградской организации в качестве ее руководителей разложившихся людей – пьяниц и воров, обкрадывавших партию и государство, и сделать ленинградскую организацию вполне послушной и угодной им» [11, с. 59-60].

Документы, которые легли в основу этих обвинений, историкам пока не доступны. Можно лишь привести известные факты, что многие ленинградские руководители (секретари обкома, горкома ВКП(б), председатели облисполкома и их заместители, первые секретари райкомов г. Ленинграда и др.) в конце войны и первые послевоенные годы были выдвинуты на руководящие должности в различных регионах СССР. Первыми секретарями обкомов ВКП(б) работали: в Новгородском обкоме – Г. Х. Бумагин, в Псковском обкоме – Л. М. Антюфеев, в Ярославском – И. М. Турко, в Крымском – Н. В. Соловьев. На ближайшем съезде партии эти руководители, если бы их должностное положение осталось без изменений, должны были получить статус членов или кандидатов в члены ЦК ВКП(б).

Ряд руководителей занимали вторые позиции в руководствах регионов. Это вторые секретари: ЦК КП(б) Эстонии – Г. Т. Кедров, Калининградского обкома ВКП(б) – П. А. Иванов, Новгородского обкома ВКП(б) – И. И. Баскаков, Мурманского обкома – А. Д. Вербицкий, Рязанского обкома – П. В. Кузьменко. Занимали посты председателей облисполкомов: Новгородского – П. П. Еремеев, затем – М. И. Сафонов, Псковского – В. Д. Семиин, Калужского – А. И. Бурилин. Вторые секретари обкомов и председатели облисполкомов представляли собой ближайший резерв для выдвижения на первые роли в региональных властных структурах.

Кроме того, «ленинградцы» назначались на другие, пусть менее заметные, но достаточно значимые должности в региональных властных структурах – как в партийных, так и советских (исполкомовских).

Несколько руководителей были переведены на работу в ЦК ВКП(б) и в правительственные структуры. Наиболее важные посты заняли: Т. В. Закржевская – заместитель заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), И. А. Андреев (бывший заведующий отделом торговли и заместитель председателя Ленгорисполкома) – заводом отделом кадров планово-финансово-торговых органов управления кадров ЦК ВКП(б), Клеменчук – заводом управления кадров ЦК ВКП(б), Н. Д. Шумилов (бывший редактор газеты «Ленинградская правда») – заводом управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), В. Н. Иванов – инспектор ЦК ВКП(б), М. В. Басов – заместитель председателя Совета министров РСФСР и председатель госплана РСФСР [2; 6; 15, с. 19].

Список этот далеко не полный, но позволяет сделать некоторые выводы. Ленинградский «кадровый поток» слишком очевиден, чтобы дискутировать о том, имела ли место ленинградская «кадровая экспансия». Некоторые историки признают, что Ленинград в послевоенные годы стал «кузницей кадров», при этом

стремятся не связывать данный факт с тем, что Жданов в те годы руководил Секретариатом ЦК ВКП(б), а Кузнецов возглавлял управление кадров ЦК ВКП(б) (ранее, в конце войны, Жданов как член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б) тоже имел возможность продвигать «свои» кадры, ленинградцами было укомплектовано руководство Новгородской и Псковской областей [2, с. 122]). Востребованность ленинградских кадров объясняется их широким уважением, авторитетом, особой популярностью, наличием у них уникального «блокадного опыта» – опыта решения народнохозяйственных задач в условиях ограниченности ресурсов [3, с. 123; 15, с. 18-19; 21, с. 284]. Однако документального подтверждения тому, что именно «уникальный блокадный опыт», широкое уважение и авторитет явились причиной массового выдвижения ленинградских кадров, историки не приводят. К тому же неизбежно возникают следующие вопросы. Почему наиболее востребованным оказался именно ленинградский опыт, а не, предположим, сибирский, уральский или поволжский, где пусть ресурсов было несоизмеримо больше, но и задачи, стоявшие перед индустрией тех регионов, по своим масштабам были совершенно иные? И, если даже согласиться, что ленинградские кадры пользовались широким уважением и авторитетом, то каков был механизм их назначения на руководящие должности в другие обкомы, включая посты первых секретарей? Означает ли это, что обкомы сами выходили на ЦК с инициативой о направлении к ним «ленинградцев»?

Разумеется, возглавляемое А. А. Кузнецовым управление кадров ЦК ВКП(б) должно было положительно характеризовать выдвигаемых из Ленинграда руководителей, как и тех, кто приходил на их место. В противном случае прохождение этих кандидатур через Секретариат и Политбюро ЦК ВКП(б) было бы весьма проблематичным. Многоступенчатая система утверждения кадров предполагала, что обоснование для выдвижения на значимые посты должно быть убедительным, предлагаемая кандидатура не должна была вызывать категорических возражений на Старой площади и в Кремле (какие именно выдавались характеристики кандидатам, насколько объективно оценивались их деловые и личные качества – вопрос, требующий отдельного изучения). Ведь и «ленинградцам» не всегда удавалось продвинуть очередного «своего». Пример тому, в частности, попытка, предпринятая, вероятнее всего, А. А. Ждановым в середине 1948 года (в ходе реорганизации цеховского аппарата), поставить второго секретаря Ленинградского горкома Я. Ф. Капустина во главе отдела машиностроения ЦК ВКП(б), которая в итоге закончилась неудачей. А планы Кузнецова сделать управляющего делами ленинградских обкома и горкома Ф. Е. Михеева управляющим делами ЦК ВКП(б), «подвинув» с этого важного поста Д. В. Крупина, так и остались планами [4, с. 102; 10, с. 59-62].

Есть мнение, что И. В. Сталин сам рекомендовал А. А. Кузнецову выдвигать больше молодых инициативных работников, особо упомянув при этом ленинградцев, и последний не пренебрегал этим советом [2, с. 123]. Однако даже если это было в действительности, то рекомендация Сталина вовсе не отменяла установленные им самим требования к подбору и расстановке кадров. На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Сталин потребовал подбирать кадры не по личному знакомству, личной преданности и приятельским отношениям, а по деловым признакам. В качестве отрицательного примера он привел кадровую политику первого секретаря ЦК КП(б) Казахстана, бывшего секретаря ЦК КП(б) Азербайджана и Уральского обкома ВКП(б) Л. И. Мирзояна. Мирзоян игнорировал местные казахские кадры и, по выражению Сталина, таскал за собой приятелей, дружков из Азербайджана и с Урала, расставляя их на ключевые посты в республиканском партийно-государственном аппарате, создал группу лично ему преданных людей. «Так подбирать людей не годится, – наставлял Сталин. – <...> Этот метод подбора небольшевистский, я бы сказал, антипартийный метод подбора людей, с этим методом товарищи должны покончить, пока не поздно» [8, с. 13-14]. Соблюдал ли Кузнецов эти принципы, выдвигал ли ленинградские кадры по их деловым качествам, а не тех, кто был лично ему предан, кто его восхвалял и преподносил ему дорогостоящие подарки?

В середине 1948 г. не кто иной, как А. А. Жданов в подготовленном им проекте постановления Политбюро о реорганизации Секретариата ЦК ВКП(б) дал негативную оценку деятельности управления кадров ЦК ВКП(б), которое возглавлял его ставленник А. А. Кузнецов. В проекте говорилось следующее:

«Практика показала, что современная организация Секретариата страдает рядом существенных недостатков:

- 1) сосредоточение распределения кадров под руководством одного секретаря в одном управлении кадров не оправдывает себя и привело к тому, что на ряде важных участков были допущены серьезные упущения в подборе кадров;
- 2) современная система подбора и распределения кадров в министерствах и ведомствах не обеспечивает должного порядка в этом деле. Министры устранились от ответственности за эту работу, а зам. министров по кадрам, как правило, оказались мало подготовленными и допускают ряд крупных промахов в подборе кадров;
- 3) чрезмерная централизация подбора кадров в аппарате ЦК нанесла ущерб делу проверки исполнения» [10, с. 59-60].

Что стало причиной столь резких оценок, какие именно претензии были предъявлены А. А. Кузнецову, на ряде каких «важных участков были допущены серьезные упущения в подборе кадров» – остается неизвестным. Известно лишь, что тогда же управление кадров ЦК было ликвидировано, функции по подбору и распределению кадров были переданы отделам ЦК ВКП(б). Всё это свидетельствует о том, что работа управления кадров ЦК ВКП(б) была признана неудовлетворительной на самом высшем уровне. А. А. Кузнецова в Секретариате ЦК оставили и поручили ему курировать отдел машиностроения (на руководство которого предполагался, но не был назначен Я. Ф. Капустин) и административный отдел ЦК ВКП(б) [Там же, с. 60-61].

В ходе «дела» бывшие и действующие ленинградские руководящие кадры были подвергнуты тщательной проверке. В результате этой проверки были выявлены многочисленные компрометирующие сведения самого

различного характера: ошибки и недостатки в работе, сокрытие информации о различных нарушениях и недостатках, наличие партвзысканий, восхваление «ленинградских вождей» и участие с ними в застольях, коррупционные действия, пьянство, беспорядочные половые связи и т.д. Безусловно, следует иметь в виду, что раздобыть компромат на того или иного руководящего работника при наличии соответствующих ресурсов было задачей вполне решаемой. Однако при этом нельзя забывать, что компромат компромату рознь. Какие-то материалы «рассыпались» в ходе дальнейшей проверки, либо не могли иметь сколько-нибудь существенных последствий для того или иного руководителя, или могли лишь воспрепятствовать его дальнейшему служебному росту [17]. Разбирательства по другим материалам могли закончиться серьезными партийными взысканиями или исключением из партии, лишением должности и даже уголовным преследованием. Существенным отягчающим обстоятельством являлось наличие взысканий или предупреждений, которые работник уже получил ранее за подобные нарушения (к «чиновникам-рецидивистам» применялось гораздо более строгое наказание). Многое зависело от тех, кто проводил проверку и кто принимал итоговое решение. В ходе этих проверок судьба того или иного руководителя нередко зависела от личных интересов и предвзятых оценок со стороны представителей центральной власти; в определение степени тяжести того или иного проступка и избрание меры наказания вмешивались различные субъективные факторы. «Ленинградцам» в этом смысле не повезло: каждый их проступок получал максимально негативную оценку и часто квалифицировался как «антипартийные действия». Правда, следует заметить, что и многие «ленинградцы» со своей стороны сделали достаточно, чтобы список их провинностей был внушительным по объему и убедительным по содержанию.

В качестве примера можно привести ряд «дел», которые были рассмотрены Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП(б) (КПК) и бюро Ленинградского обкома ВКП(б) в сентябре 1949 г. Одно из них – «дело» заведующего финхозсектором Новгородского обкома ВКП(б) Ф. М. Широкова, партийно-следственные мероприятия по которому проводила КПК при ЦК ВКП(б) по поручению Секретариата ЦК партии.

До середины 1944 г. Федор Михайлович Широков работал заместителем управляющего делами ленинградских обкома и горкома ВКП(б). Широков пользовался доверием у Кузнецова, Попкова и Капустина, и в 1941 г. был направлен ими в Челябинск для обслуживания эвакуированных туда семей работников ленинградских обкома и горкома партии. Как было установлено в ходе проверки, «на протяжении 1941-1942 гг. при участии Широкова было расхищено промышленных товаров, вывезенных из Ленинграда, на сумму 72 тыс. рублей (рыночная стоимость их 800 тыс. рублей). Кроме того, Широков растратил 13,8 тыс. рублей партийных средств» [14, д. 550, л. 151-152].

Действиями Широкова заинтересовались правоохранительные органы, ему стало «светить» уголовное наказание. Чтобы не допустить этого, по рекомендации Кузнецова и Попкова, и по ходатайству первого секретаря Новгородского обкома ВКП(б) Г. Х. Бумагина в 1944 г. Широкова перевели в Новгородский обком заведующим финхозсектором. В 1946 г. решением Ленинградского горкома ВКП(б) за подписью П. С. Попкова уголовное дело на Широкова было прекращено [Там же, л. 152].

Широков верой и правдой служил новому хозяину. Уже в 1944 г. по заданию Г. Х. Бумагина он организовал специальный буфет, в котором сверх установленных лимитов расходовались продукты и спиртное. В этом же буфете за счет средств партийного бюджета питались семь секретарей обкома ВКП(б). Перерасход средств только за 1947-1948 гг. составил 78,4 тыс. руб. К тому же заведующий финхозсектором закупил для квартиры Бумагина мебель, потратив на нее 131 тыс. руб. обкомовских средств. На квартире Бумагина на партийные деньги содержались домработница и истопник. На те же средства была построена и содержалась баня, которой пользовались секретари обкома и их семьи.

Невзирая на созданные бытовые условия, бывших ленинградцев тянуло в «северную столицу». Работники обкома и члены их семей на обкомовских автомобилях совершали поездки в Ленинград. За один только 1948 г. таких поездок проверяющие насчитали 44. Сам Широков съездил в том году в Ленинград 11 раз. Несмотря на то, что вояжи не были обусловлены служебной надобностью и у Широкова имелась в Ленинграде своя квартира, он, тем не менее, свои поездки оформлял как служебные командировки и получал в обкоме суточные и квартирные деньги.

По итогам проверки Ф. М. Широков был исключен из членов ВКП(б) «за недостойное поведение», а материалы о злоупотреблениях были переданы для расследования в Прокуратуру СССР [Там же, л. 151-153].

Приблизительно в это же время в КПК при ЦК ВКП(б) были рассмотрены «дела» на других бывших ленинградских руководящих работников. Со своими партбилетами они расстались уже с несколько другой формулировкой – «за политически недостойное поведение».

Занимавшему после войны кресло секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) по кадрам Георгию Тихоновичу Кедрову предъявили обвинение в проведении «небольшевистской линии» в работе по подбору кадров. «Зная о моральном разложении и злоупотреблениях отдельных партийных и советских работников, не ставил вопроса об их наказании и принимал участие в выдвижении их на руководящие посты», – говорилось в записке ответственного контролера Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Колесникова на имя заместителя председателя КПК М. Ф. Шкирятова [Там же, л. 155], и в подтверждение был приведен ряд примеров.

Первым был назван бывший секретарь Московского райкома ВКП(б) г. Ленинграда П. А. Иванов, систематически пьянствовал, бывало, пьяным выступал с докладами на собраниях районного партийного актива. Кедров был в курсе происходящего, но вопрос о снятии Иванова с должности не ставил, а при выдвижении последнего в Калининградский обком в январе 1947 г. не опротестовал это «неправильное предложение»,

о фактах его «морального разложения» в ЦК ВКП(б) не сообщил. В Калининграде Иванов окончательно спился и покончил жизнь самоубийством.

В вину Кедрову вменили также, что он не дал хода компромату на секретаря Куйбышевского райкома ВКП(б) Т. В. Закржевскую. Будучи в годы блокады вторым секретарем Куйбышевского райкома, она сблизилась со своим непосредственным начальником, первым секретарем райкома Н. В. Лизуновым, у которого в то время была своя семья (в 1943 г. Лизунов был перемещен на место первого секретаря Петроградского райкома ВКП(б), а в Куйбышевском райкоме его место заняла Закржевская, впоследствии они оформили свои отношения [6, с. 127]). Т. В. Закржевская обвинялась в том, что заняла квартиру репрессированного, «захватила» его имущество и что пользовалась услугами предприятий района и выгораживала руководителей этих предприятий, уличенных в воровстве. В Ленинградский горком поступали сигналы о действиях секретаря райкома, при проверке они подтвердились. Записка о результатах проверки, где говорилось об «антипартийном поведении» и злоупотреблениях секретаря райкома, в конце июня 1947 г. легла на стол Кедрова и других секретарей горкома, но каких-либо последствий за собой не имела. Мало того, когда спустя полгода Закржевскую переводили на работу в ЦК ВКП(б), Кедров эти факты скрыл и дал ей «неправдивую хвалебную характеристику» [14, д. 550, л. 155-156].

Знал Кедров и о «темных делах» А. Я. Тихонова, который, будучи председателем Выборгского райисполкома, скупал мебель на хлебные карточки и получил за это взыскание, но, тем не менее, в 1944 г. был выдвинут первым секретарем Фрунзенского райкома партии. Кедров был прекрасно осведомлен о «деле Тихонова», ведь он сам в то время работал первым секретарем Выборгского райкома ВКП(б), но проявлять «большевистскую принципиальность» не стал. Впоследствии Тихонов был назначен первым секретарем Кировского райкома ВКП(б) и, находясь на этой должности, получил взыскание за получение премии от руководства Кировского завода. Несмотря на это обстоятельство, с ведома Кедрова – секретаря горкома по кадрам – Тихонова выдвинули кандидатом в депутаты Верховного совета РСФСР и повысили до заведующего отделом тяжелой промышленности Ленинградского горкома партии. Перед Москвой его представляли как безупречного руководителя: Кедров дважды, в ноябре 1946 г. и в июне 1947 г., направлял в ЦК ВКП(б) положительные характеристики на Тихонова.

Кедрову вменили в вину, что он закрывал глаза на злоупотребления и моральный облик работников горисполкома. Заместитель председателя Ленинградского горисполкома В. М. Решкин «незаконными путями» выстроил себе дачу и присвоил несколько легковых машин, о чем в Ленинградском горкоме знали из поступивших сигналов и никак на это не реагировали. Как не реагировали на то, что заместитель председателя архитектурного управления горисполкома Морозов «систематически пьянствовал» и приходил пьяным в Смольный [Там же, л. 156-157].

Знал Кедров и о том, что у многих сотрудников аппарата горкома партии и работников райкомов имеются осужденные родственники, или сами они некогда имели судимость, или исключались из партии (не всегда по политическим обвинениям: секретарь парткома на Октябрьской железной дороге Попов – сын священнослужителя, ранее был осужден за уголовное преступление и приговорен к 8 годам лишения свободы, отбыл 4 года в тюрьме). Среди них были организаторы пьянок и банкетов, любители женщин и покровители «разложившихся» личностей. Кедров, тем не менее, в характеристиках, включая направленные на Старую площадь для утверждения в цеховской номенклатуре, расхваливал эти кадры, а имевшиеся «компрометирующие данные» скрывал [Там же, л. 157].

Кедров был близок к руководящей верхушке. Участвовал во многих, проводившихся по разным поводам банкетах и вечерах, где присутствующие восхваляли Кузнецова, Попкова и Капустина как «вождей» ленинградской парторганизации. Кедров и сам, будучи секретарем Выборгского райкома, устраивал банкеты для районного партийного и хозяйственного актива, куда приглашал коллег из других районов, того же Н. В. Лизунова. Когда это нужно было, то «закрывал уши»: на одном банкете секретарь Ленинского райкома ВКП(б) А. М. Григорьев выступил с «антисоветским заявлением», но вместо наказания пошел на повышение – вскоре стал секретарем обкома ВКП(б) по кадрам (вероятнее всего, речь шла об одном из банкетов в 1943 г., на котором Григорьев нелестно высказался в адрес А. А. Жданова и кого-то из ЦК ВКП(б) [Там же, л. 148]). «Не заметил» Кедров, как на одном из заседаний бюро горкома А. А. Кузнецов выругался в адрес одного из заместителей председателя Совета министров СССР [Там же, л. 158-159].

«Кедров молчал лишь потому, – докладывал Колесников руководителю цеховской КПК, – что он сам принимал непосредственное участие в попойках за счет государства, устраивавшихся Кузнецовым, Попковым и Капустиным, был постоянным участником посещения “десятки” (однодневный дом отдыха обкома и горкома, располагавшийся на Каменном острове, в доме № 10. – А. С., А. Б.), ему доставлялись на квартиру в больших количествах продукты, вино и водка, пользовался бесплатно водкой в буфете, организованном в Смольном. Вместе с Попковым, Капустиным и Лазутиным посещал незаконно созданное при Ленгорисполкоме за счет захвата колхозных земель так называемое “охотничье хозяйство” (В.-Выборгское шоссе, 102 км), где также обеспечивался бесплатно вином и водкой. Вместе с Капустиным выезжал на рыбную ловлю в специально созданное угодье (на реке Вуокса), где содержались в штате рыбаки и прислуга. На всё это – попойки, содержание специального охотничьего хозяйства и рыбных угодий расходовалось много государственных средств. Будучи секретарем райкома ВКП(б), Кедров по указанию Кузнецова незаконно получал премии за “успешное” выращивание овощей предприятиями района, за сбор металлолома и по другим подобным предложениям. По незаконному распоряжению Попкова Кедров в числе других секретарей райкомов получил в собственность

трофейную легковую автомашину, уплатив за нее лишь 800 рублей при фактической стоимости ее 20-25 тыс. рублей. Указанную автомашину вернул Ленгорисполкому только во время нашей проверки» [Там же, л. 159].

Кедров не только сам молчал, но и другим не позволял поднимать шум. Так, при рассмотрении на бюро Ленинградского горкома заявления секретаря горкома по пропаганде И. Г. Стожилова, сообщившего в ЦК ВКП(б) о «неправильном поведении» Попкова и Капустина, Кедров не поддержал эту критику и вместе с другими членами бюро горкома твердил об успехах в работе «ленинградских вождей» [Там же, л. 160]. Стожилова сняли с должности как не справившегося с работой.

За все эти и другие проступки Г. Т. Кедров решением КПК был исключен из партии. Та же участь постигла упоминавшегося секретаря райкома Николая Васильевича Лизунова, в конце 1940-х гг. – слушателя Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Лизунову вменили, что он присутствовал на многих устраиваемых ленинградским руководством банкетах – в честь награждения корпуса МПВО, в связи с годовщиной снятия блокады и др., слышал там «антисоветские заявления», в том числе секретаря райкома Григорьева, но не сообщал о них в ЦК ВКП(б) и сам был участником «антипартийных действий». «Как сейчас признает Лизунов, на этих банкетах “лишь для приличия” говорились первоначальные здравницы в честь руководителей партии, “а затем превозносились заслуги Кузнецова, Попкова и Капустина”, в чем он принимал постоянное и активное участие», – говорилось в записке Колесникова на имя М. Ф. Шкирятова [Там же, л. 154, 161-163].

Лизунов у себя в районе тоже устраивал банкеты для районного партийного и хозяйственного актива. «Как теперь признает Лизунов, – говорилось в записке, – на этих банкетах “восхвалялись заслуги горкома”, хозяйственники “благодарили работников райкома за их примерную работу. Критика и самокритика полностью выпадала, райком выглядел в роли победителя, а все работники безупречными, на деле это воспитывало у работников партийного аппарата круговую поруку – элементы групповщины”». Лизунов по приглашениям коллег – секретарей райкомов – часто бывал на подобных «мероприятиях» в других районах Ленинграда: в Выборгском – у Г. Т. Кедрова, в Приморском – у И. С. Харитонova и в других. О «непартийных действиях» главных ленинградских чиновников в ЦК не сообщал, не предпринимал попыток подвергнуть их критике, наоборот, стремился им угодить. «Лизунову было известно, что секретарь горкома Капустин – разложившийся человек и пьяница, часто пьянствовал с секретарями городских райкомов партии во время своих поездок на предприятия, – говорилось в записке, – но он не выступал с критикой недостойного поведения Капустина и сам принимал участие в попойках с ним. Например, он пьянствовал с ним при отъезде в Москву в составе делегации г. Ленинграда на похороны товарища Щербакова А. С.» [Там же, л. 163].

Лизунову вменили и отношения с Т. В. Закржевской – «морально разложившимся человеком», что знал о ее самообогащении за счет подведомственных предприятий, что она «выгораживала жуликов», о проведении ею празднования в ресторане по поводу перехода на работу в ЦК, на что были потрачены средства Куйбышевского райкома и предприятий района. Как указывал партийный следователь, Лизунов считал такое поведение Закржевской нормальным, пытался ее оправдывать даже после ее ареста [Там же, л. 163-164].

И Кедрову, и Лизунову (и, судя по всему, другим бывшим секретарям райкомов) в КПК указали на молчание по поводу царивших в Ленинграде «чуждых большевизму нравов самовосхваления, подхалимства и угодничества». Подтверждением тому служили следующие обстоятельства. Как только А. А. Кузнецов стал полноправным «хозяйном Смольного», на первом же собрании партийного актива П. С. Попков «все важнейшие дела, связанные с обороной Ленинграда», приписал Кузнецову, «изображая его спасителем города». Во время отъезда Кузнецова на работу в Москву секретари райкомов преподнесли ему поздравительный адрес (специальная, красиво оформленная папка с текстом поздравления, вложенным внутрь. – А. С., А. Б.), в котором «в недостойных, угоднических выражениях» описывались его заслуги. Делегация партийных руководителей подарила Кузнецову модель памятника Петру I. Лизунову дополнительно указали на участие в застолье на даче А. А. Кузнецова, устроенном по случаю назначения последнего секретарем ЦК ВКП(б) [Там же, л. 159-160, 163-164].

Те же угодничество, подхалимство, участие в банкетах, «примиренческое отношение к антигосударственным действиям» бывших руководителей ленинградской парторганизации были предъявлены инспектору ЦК ВКП(б) Всеволоду Николаевичу Иванову, работавшему в 1940-1944 гг. первым секретарем обкома и горкома ВЛКСМ, затем, до 1945 г. – секретарем Ленинградского горкома ВКП(б) по пропаганде и агитации. Сведома Иванова на ленинградских улицах и в музеях на самых видных местах вывешивались портреты А. А. Кузнецова, Я. Ф. Капустина и П. С. Попкова. В вину ему поставили также издание в Ленинграде в 1944 г. и 1945 г. сборников «Ленинград дважды орденосный» и «Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза», которые были признаны «политически вредными материалами» [Там же, л. 148-149].

В. Н. Иванову вменили также молчание по поводу известного ему «произвола и беззакония», которые А. А. Кузнецов, будучи членом Военного совета Ленинградского фронта, творил по отношению к офицерскому составу. В частности, Кузнецов без всякого основания в 1944 г. приказал снять орден Красного Знамени с подполковника, члена партии И. К. Борщенко.

В числе прочих обвинений было и сокрытие Ивановым фактов «разложения» среди комсомольского актива. «Так, в 1943 г. быв[ший] секретарь Фрунзенского райкома ВЛКСМ г. Ленинграда Сизов, напившись пьяным, в здании райкома ВЛКСМ застрелил инструктора райкома комсомола Харитонову, которую пытался изнасиловать, – докладывал Шкирятову помощник члена партколлегии КПК Митин. – Горком комсомола и в частности Иванов, который был тогда первым секретарем горкома, приняли по этому беспринципному факту беспринципное, политически неправильное решение: квалифицировали как хулиганский поступок и не вскрыли наличия морально-политического разложения в руководящем составе райкома» [Там же, л. 149].

Кроме того, В. Н. Иванова обвинили в «засорении» кадров вузов и научных организаций Ленинграда троцкистами, вернувшимися из ссылки (подобные же обвинения – в проникновении троцкистов на руководящую работу и в партийный аппарат – были предъявлены Г. Т. Кедрову [Там же, л. 157-158]), а также в использовании материалов «врагов народа» при подготовке диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук [Там же, л. 149-150].

Спустя некоторое время в «деле» В. Н. Иванова появились дополнительные обвинения. Они были обнародованы первым секретарем Ленинградского горкома Ф. Р. Козловым в отчетном докладе на IX Ленинградской городской партконференции в мае 1950 г. Среди прочего Ф. Р. Козлов привел следующий эпизод времен войны: «В 1943 г., когда Ленинград находился еще в блокаде, под предлогом празднования 25-летия ВЛКСМ была организована попойка комсомольских работников в Кавголово, куда специальными автобусами было доставлено большинство руководящих комсомольских работников Ленинграда и области. Эта пьянка длилась в течение трех суток» [13, д. 1360, л. 76].

Докладчика дополнил первый секретарь Ленинградского горкома ВЛКСМ В. В. Румянцев. Последний обвинил бывших руководителей обкома и горкома комсомола в сокрытии от ЦК ВЛКСМ различных недостатков в работе комсомольских организаций и в очковтирательстве, а именно в утаивании «многочисленных фактов аморальных поступков и других отрицательных явлений среди молодежи», кроме того, в нарушении «партийного большевистского принципа подбора и воспитания кадров», подхалимстве, угодничестве, организации попок за счет комсомольских средств, неправильном премировании, барском отношении к молодежи. Выступавший привел примеры существовавшей практики премирования: «В 1945 г. были премированы 34 работника обкома и горкома комсомола за активное участие в Великой Отечественной войне, в том числе Чернецов – 2000 рублей, хотя на фронте он не был, Воронин – 1500 рублей, Прохорова – 2500 рублей. В 1943 г. была выдана премия в сумме 3500 рублей бывшему секретарю обкома и горкома комсомола Иванову за активное участие в социалистическом соревновании по сбору и отгрузке металлолома» [Там же, л. 195-196].

В. В. Румянцев назвал суммы, которые тратились из комсомольского бюджета на обеспечение секретарей обкома и горкома ВЛКСМ: «Только в 1944-1945 гг. секретарям обкома и горкома комсомола по неполным данным было выдано продуктов на 24 000 рублей, в том числе водки – на 6000 рублей. За этот же период времени куплено папирос 5000 пачек на 33 900 рублей. Дело дошло до того, что даже приемы иностранных делегаций превратили в организацию попок, на что израсходовано 475 000 рублей. В результате незаконного расходования комсомольских средств, злоупотреблений, в которых повинны Иванов, Чернецов, Воронин, Ситников, за период 1942-1948 гг. нанесен ущерб государству в сумме более 800 000 рублей» [Там же, л. 196-197].

Не только в КПК при ЦК ВКП(б), но и в Ленинградском обкоме ВКП(б) тоже рассматривались так называемые «персональные дела» высокопоставленных ленинградских чиновников. Так, в начале сентября 1949 г. обком партии рассмотрел «дело» Михаила Алексеевича Таирова – первого заместителя председателя Ленинградского облисполкома. В частности, как установило бюро обкома, с ведома М. А. Таирова управление сельского и колхозного строительства сообщило в правительственные органы «ложные, очковтирательские сведения» о том, что в Ленинградской области были ликвидированы землянки, а люди, проживавшие в них, были переселены в новые дома. На самом же деле в землянках продолжали жить около 400 колхозников.

Некоторые обвинения в адрес Таирова относились ко времени его руководства Ленинградским областным земельным отделом (в 1941-1947 гг.). «Будучи начальником облзо, Таиров попустительствовал растратам, хищениям и бесконтрольному расходованию сельскохозяйственных продуктов, за что прокуратурой области должен был быть привлечен к ответственности, – говорилось в решении бюро обкома, – но по указанию бывших секретарей обкома ВКП(б) Григорьева и Бадаева Таиров не только не был привлечен к ответственности, а в 1947 г. был выдвинут на пост первого заместителя председателя исполкома областного совета депутатов трудящихся» [14, д. 550, л. 39].

О принципах подбора кадров в ленинградских властных структурах достаточно говорилось на пленуме ленинградских обкома и горкома в феврале 1949 г., на котором присутствовал член Политбюро, секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков. Уже тогда прозвучали претензии к бывшему «хозяину Смольного» А. А. Кузнецову и его преемнику П. С. Попкову.

«Многие товарищи знают, как товарищ Кузнецов расценивал подбор руководящих кадров, – говорил на пленуме первый секретарь Ленинского райкома ВКП(б) Л. С. Ананьев. – Он считал так: завотделом, секретарь райкома партии должен быть такой человек, которого я должен лично знать. Мы не придавали значения этому, считали, что может быть и правильно, чтобы первый секретарь обкома и горкома знал руководящие кадры, но под этим “лично” подразумевается теперь несколько иное. Промахи группы людей, которые входили в доверие к руководству, к первому, второму секретарю, подчас их промахи в работе, отдельные недостатки не ставились на принципиальную политическую высоту, а “смазывались”» [20, д. 10, л. 66].

В качестве примера Ананьев привел продвижение по служебной лестнице пресловутого А. Я. Тихонова, который, по мнению оратора, будучи руководителем районов, допускал крупные ошибки в работе, а Смольный эти ошибки якобы не замечал. По мнению Ананьева, Тихонов «выродился» во властолюбца, «который любой ценой стремится пройти выше по своей партийной карьере...». Тихонову наверху благоволили: «Активу достаточно вспомнить любой пленум, кто открывает пленум? Обязательно секретарь Кировского райкома товарищ Тихонов. Кто открывает актив? Обязательно Тихонов. И так далее. Почему создавали такой ореол славы? За какие его заслуги?» [Там же].

«Я считаю, товарищ Маленков, что у нас вопрос подбора кадров в городе поставлен явно неправильно, что у нас подбирали кадры не по принципу деловых качеств, а по принципу как человек умеет правильно в рот

смотреть, улыбаться и потрафлять начальству, – заявил на пленуме директор завода “Большевик” И. И. Егоренков. – Если работник удовлетворял этим качествам – был годен для работы в партийном и советском аппарате, если нет, то такой работник был неудобен. Принцип подхалимства имел решающее значение при подборе кадров. И с Тихоновым так получилось. Тихонов имел большой штраф перед партией, и только из-за беспринципности партийного актива и покровительства, которое имело место со стороны товарища Кузнецова, Тихонов в свое время не был снят с председателей райсовета за допущенную им грубейшую ошибку» [Там же, л. 99].

Директор завода рассказал, что об «ошибках» Тихонова знали П. С. Попков, Я. Ф. Капустин, Г. Т. Кедров и другие члены бюро и работники горкомовского аппарата, но никто из них не воспрепятствовал выдвижению Тихонова на руководящие посты и в депутаты. Кроме того, Егоренков привел иные примеры неудачных, по его мнению, кадровых назначений. В частности, выдвижение в секретари обкома В. А. Колобашкина, который, будучи секретарем Невского райкома, ради того, чтобы пустить «пыль в глаза» – показать работу райкома с наилучшей стороны, заставлял заводы идти на нарушения постановления ЦК и незаконно расходовать средства. «Показательная сторона в работе товарища Колобашкина удовлетворяла полностью руководство, что и послужило причиной взятия его в аппарат областного комитета», – заявил Егоренков [Там же, л. 99-100].

Негативно отзывались о В. А. Колобашкине и другие участники пленума. «Возьмите Колобашкина, – говорил заведомо машиностроения Ленинградского горкома В. П. Щербаков. – Нечестный он человек, я никогда этого не скрывал. Как выборы в Верховный совет, всегда у него были красивые цифры, и когда товарищ Левин со своим аппаратом уличил его, городской комитет партии не вынес решения, не желая выносить сор из избы. Когда мы подводили итоги работы промышленности за каждый месяц, у Колобашкина всегда были красивые цифры. Когда я выступил и сказал, что у Колобашкина очень плохие результаты с пополнением рабочих кадров на заводе “Экономайзер”, товарищ Колобашкин вынимает документ, потрясает им, заявляет: “Ложь, клевета”. А после бюро я вызвал представителя завода “Экономайзер” и тот рассказал, что, оказывается, Колобашкин вызвал руководителей заводов, “накачал” их, срочно получил документ и явился с ним на бюро. Что, товарищам Капустину и Попкову не были известны эти методы Колобашкина? Конечно, были, но Колобашкин всегда находил поддержку и у товарища Попкова, и у товарища Капустина» [Там же, л. 41].

Секретарь горкома П. И. Левин на пленуме отмечал, что Колобашкин «страдает манией величия и нечистоплотностью». Кроме того, Левин тоже «проехался» по Тихонову и заодно рассказал о покровительстве некоторым секретарям райкомов, уличенным в использовании служебного положения для собственного материального обогащения (хотя в будущем получит те же обвинения в свой адрес): «Третий пример – Стельмахович, бывший секретарь Кронштадтского райкома партии. Снимают его с работы за нехорошее поведение, антипартийное поведение, кстати, уже повторное. Раз нахватал мебель у кого-то из известных людей нашего города во время блокады. Горком ему простил. Второй раз в Кронштадте в Осоавиахиме он берёт и ломает печь, и везет в город Ленинград. Дело дошло до ручки, надо снимать с работы. Сняли. Не успел я прийти из отпуска, как он очутился партторгом ЦК на заводе № 272. Почему? Это номенклатурная должность бюро горкома. Неправильное действие» [Там же, л. 119].

Как показывают архивные документы, в ленинградских властных структурах процветало использование служебного положения в личных целях, пьянство, круговая порука. В голодные годы ленинградская партноменклатура устраивала банкеты и вечера. Уличенные в растратах продуктов питания и в других злоупотреблениях чиновники выводились из-под ответственности, уголовные дела по распоряжению из Смольного закрывались. Взамен за материальное благополучие, неподсудность и карьерный рост нижестоящие должны были восхвалять, создавать «авторитет», заслуживать перед вышестоящими, в первую очередь первыми лицами города и области, создавать видимость благополучия и не замечать недостатков и проблем, которые могли бы уронить «хозяев» в глазах Центра, навредить их репутации и карьере.

Обвинения в подборе кадров не по деловым качествам, а по другим соображениям наносили дополнительный удар как по руководителям Ленинграда, так и в большей степени по недавнему главному кадровику ЦК ВКП(б) и страны А. А. Кузнецову. Выходило так, что Сталин приблизил к себе, ввел в состав высшего руководства и доверил возглавлять кадровую службу человеку, который игнорировал его же, Сталина, установки о принципах подбора и распределения кадров. Эти обвинения значительно дополнили и без того внушительный компрометирующий материал на «ленинградцев», исподволь накапливавшийся в высоких властных кабинетах Кремля и Старой площади [16].

Список источников

1. Амосова А. А. Преданный забвению: политическая биография Петра Попкова. 1937-1950. СПб.: Алетейя, 2014. 262 с.
2. Болдовский К. А. К вопросу об «экспансии ленинградских кадров» в 1946-1948 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2010. Вып. 3. С. 121-126.
3. Ваксер А. З. Ленинград послевоенный. 1945-1982 годы. СПб.: Остров, 2005. 436 с.
4. Воспоминания Валерия Филипповича Михеева // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / гл. ред. А. М. Кулегин; сост. А. П. Смирнов. СПб.: Норма, 2009. С. 96-114.
5. Демидов В., Кутузов В. Последний удар. Документальная повесть // «Ленинградское дело» / сост. В. И. Демидов, В. А. Кутузов. Л.: Лениздат, 1990. С. 5-174.
6. Краткие биографические сведения о лицах, репрессированных по «Ленинградскому делу» // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / гл. ред. А. М. Кулегин; сост. А. П. Смирнов. СПб.: Норма, 2009. С. 123-165.
7. Кутузов В. А. Так называемое «Ленинградское дело» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 3. С. 53-67.
8. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 11-12. С. 3-23.
9. Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. 1945-1985. М.: Русь-Олимп; Астрель; АСТ, 2007. 716 с.

10. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945-1953 / сост. О. В. Хлевнюк, Й. Горлицкий, Л. П. Кошелева, А. И. Минюк, М. Ю. Прокуменщиков, Л. А. Роговая, С. В. Соколова. М.: РОССПЭН, 2002. 656 с.
11. Приговор // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / гл. ред. А. М. Кулегин; сост. А. П. Смирнов. СПб.: Норма, 2009. С. 59-61.
12. Пыжиков А. В., Данилов А. А. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 годы. М.: Олма-Пресс, 2002. 319 с.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 50.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118.
15. Смирнов А. П. «Ленинградское дело»: портрет поколения // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / гл. ред. А. М. Кулегин; сост. А. П. Смирнов. СПб.: Норма, 2009. С. 10-22.
16. Сушков А. В. Небольшое отступление от правил или вызов сталинской системе власти? О некоторых аспектах «ленинградского дела» // Россия XXI. 2018. № 1. С. 82-107.
17. Сушков А. В., Михалёв Н. А., Баранов Е. Ю. Расплата за соцпроисхождение: «дело» второго секретаря Челябинского обкома ВКП(б) Г. С. Павлова. 1950-1951 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 6 (297). История. Вып. 54. С. 57-71.
18. Фрагменты закрытого письма Политбюро ЦК ВКП(б) членам и кандидатам в члены ЦК ВКП(б) «Об антипартийной враждебной группе Кузнецова, Попкова, Родионова, Капустина, Соловьева и др.». 12 октября 1949 г. // Судьбы людей. «Ленинградское дело» / гл. ред. А. М. Кулегин; сост. А. П. Смирнов. СПб.: Норма, 2009. С. 56-58.
19. Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ; Corpus, 2015. 464 с.
20. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 28.
21. Шульгина Н. И. «Ленинградское дело»: пора ли снимать кавычки? Мнение архивиста // Жизнь. Безопасность. Экология. 2009. № 1-2. С. 281-289.

“LENINGRAD CASE”: ON SMOLNY’S PERSONNEL POLICY IN THE EARLY POST-WAR YEARS

Sushkov Andrei Valer'evich, Ph. D. in History

Bedel' Aleksandr Emanuilovich, Ph. D. in History

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg

suschkow@mail.ru; bedel54@mail.ru

The article examines the charges that were brought against the persons, who were involved in the so called “Leningrad case”: appointment of “inner circle members” to official positions in the party and state system, violation of the principle to appoint staff members to administrative positions considering their professional competence. As the documents testify, during the proceedings the former and current for those times Leningrad authorities were subjected to detailed inspection. As a result, all sorts of compromising materials were discovered: dereliction of duty, occurrence of party penalties, praising “Leningrad leaders”, corruption, hard drinking, and “moral corruption”.

Key words and phrases: “Leningrad case”; party and state system; “late Stalinism” period; corruption; administrative practices.

УДК 94

Дата поступления рукописи: 25.07.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-10.12>

Статья посвящена сравнению евроинтеграционного пути балканских стран (Хорватии, Черногории и Сербии) и анализу проблем, возникших или возникающих в рамках данного процесса. В период распада Югославии новообразованные государства находились за его пределами ввиду вооруженных столкновений, однако с 2000-х гг. в связи с «успокоением» Западных Балкан Европейский союз (далее – ЕС) стал выстраивать систему сближения и будущей перспективы интеграции западнобалканских государств. В данном процессе наиболее далеко продвинулись три государства: Хорватия, уже ставшая полноправным членом ЕС, Черногория, Сербия, активно ведущие переговорное досье с ЕС.

Ключевые слова и фразы: ЕС; интеграционная политика ЕС; Сербия; Черногория; Хорватия; Западные Балканы; переговоры о вступлении в ЕС; переговорный процесс.

Шарафутдинов Денис Радиевич, к.и.н.

Исламов Дамир Римович

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Sfincs_88@mail.ru; dam1948@yandex.ru

ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ХОРВАТИИ, СЕРБИИ, ЧЕРНОГОРИИ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

После распада биполярной системы и хаотизации международных отношений в 1990-е гг. в этот процесс турбулентности вошел и регион Западных Балкан. Распад Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) на несколько независимых государств происходил на глазах мировой общественности.

Разумеется, в 1990-е гг. новообразованные государства Западных Балкан оставались вне рамок каких-либо процессов интеграции, так как конфликт, который разворачивался в этом регионе, находился в горячей стадии, породив гражданскую войну, межэтнические и межрелигиозные противоречия, значительную миграцию населения и т.п. Первоначально крупные игроки, включая Европейский союз (далее – ЕС), проводили жесткую